

РЕЙС БЕЗ ОБРАТНОГО БИЛЕТА

**АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Рейс без обратного билета / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Спецназ КГБ).

ISBN 978-5-04-235440-3

Восьмидесятые годы. На подмосковной даче крупного чиновника собираются друзья его сына, так называемая «золотая молодежь». Все они молоды, все живут в роскоши, и все... мечтают о райской заграничной жизни. Неожиданно в их компании появляется некий Эжен, который предлагает план побега из страны. Нужно отправиться на юг, там захватить самолет и вынудить пилотов следовать по указанному налетчиками курсу. Задумка молодых людей становится известна спецслужбам. На перехват перебежчикам отправляется группа спецназа под руководством Вячеслава Богданова. Оперативникам известно об угонщиках все, кроме одного — в далеком южном городе их будет встречать настоящая банда международных террористов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2025
ISBN 978-5-04-235440-3 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Фамилия у этого молодого человека была довольно-таки распространенная — Плотников. А вот имя с претензией на некоторую изысканность — Платон. В Советском Союзе Платонов было мало, все больше Вани, Васи да Сережи. Таким редким именем, как Платон, вполне можно было гордиться. И его сочетанием с фамилией Плотников — тоже. Платон Плотников! Звучало очень даже подходяще.

А раз так, то отчего бы и не возгордиться? Тем более что Платон Плотников был юношей самовлюбленным и высокого о себе мнения.

— Меня назвали в честь великого философа древности! — говорил он. — Платон! Это вам не Вася и не Леша! Понимать надо! А фамилия у меня вполне пролетарская — Плотников. Вместе — Платон Плотников. С таким именем и с такой фамилией можно достичь в жизни больших вершин. Тем более если кто-нибудь

на эти вершины меня подтолкнет. А уж такие подталкиватели у меня имеются, можете не сомневаться!

Никто и не сомневался. Все знали, что Платон Плотников был рожден, как говорится, с золотой ложкой во рту. Папа у него был большим начальником уже тогда, когда Платон только-только появился на свет. И пока сын рос и взрослел, отец упорно и настойчиво карабкался по многотрудной и замысловатой карьерной лестнице. Папа Платона делал карьеру по партийной линии. К тому моменту, когда его отпрыск достиг совершеннолетия, родитель взобрался очень высоко. И у него были надежды и перспективы подняться еще выше.

В этом, по большому счету, не было ничего предосудительного. Если у тебя есть возможность стать большим начальником, то почему бы ими не воспользоваться? Тем более если ты человек грамотный, трудолюбивый, а главное, честный. Папа Платона таким и был: грамотным, трудолюбивым и честным. Он не шел к своей высокой должности по чьим-то головам, никого не расталкивал локтями, никого не подсиживал, не интриговал, никому ничего не платил за свое высокое кресло. Всего достиг своим трудом и ничем больше, и упрекнуть его в чем-то непорядочном никто не мог. Хотя, конечно,

такие попытки и были. Но все они заканчивались ничем. В чем можно упрекнуть или хотя бы обоснованно заподозрить честного человека?

Итак, папа пребывал на высоком партийном посту и обоснованно готовился подняться еще выше. Возможно, в самые головокружительные сферы — в кремлевские верха. Еще раз заметим: а почему бы и нет, если человек этого заслуживает?

И все было бы хорошо, если бы не Платон. Вернее, если бы не папина слабость к единственному сыну. А точнее, если бы не характер Платона. А уж если быть совсем точным, если бы не то и не другое вместе. Ситуация складывалась, можно сказать, классическая. Папа Платона был добрым и мягким и, конечно, любил своего отпрыска. Но при этом был человеком занятым, и чем выше он взбирался по карьерной лестнице, тем больше был занят и тем меньше у него оставалось времени на сына. И времени, и сил. А когда у родителя не хватает ни того ни другого, то это может привести к печальным результатам.

Понятно, что у Платона была мать. Но и она не уделяла сыну много внимания. В то время когда отец восходил по карьерной лестнице, мама вела рассеянно-легкомысленный, можно даже сказать, светский и богемный образ жизни, насколько вообще эти два понятия были уместны

в Советском Союзе. Ну а что это такое — божественная жизнь, пускай даже и в Советском Союзе? Зачастую бывало так, что мама возвращалась домой лишь под утро. Иногда — уставшая, в другой раз — экзальтированно взбодренная, в третий — раздраженная какими-то одной ей ведомыми неприятностями... Тут уж, понятное дело, не до сына.

Конечно, Платон не шастал по улицам и подворотням вместе с сорванцами-сверстниками и вообще не проказничал и не хулиганил, как большинство мальчишек. С самых юных лет он накрепко усвоил, что большинство сверстников ему не чета, что он из особого, можно сказать, высшего сословия, а потому и вести себя должен соответственно: водиться лишь с себе подобными, на остальных смотреть свысока — набор таких правил в общем и целом известен.

Разумеется, все эти сомнительные постулаты Платону внушила мама. Папе ничего подобного и в голову прийти не могло — не такого склада он был человек, да и времени на душевные беседы с сыном у него не хватало. Ну а у мамы, наоборот, свободного времени было в достатке. Периодически у нее возникало желание воспитывать сына. Она воспитывала его так, как сама понимала этот процесс. А понимала она его весьма сомнительно — в соответствии

с собственным образом жизни и собственным мировоззрением.

Много ли надо ребенку, чтобы привить ему какую-нибудь черту характера? Если это какая-то правильная черта, то много. А вот если это какие-нибудь порочные наклонности, то ребенок ухватится за это зло почти сразу же обеими ручонками — уж будьте уверены. Ну, мама Платона и научила, и маленький Платон легко и охотно принял к сведению науку мамы. А папа своевременно не обратил на это дело никакого внимания. Да и потом, когда, собственно, было уже поздно, тоже не обратил.

Конечно, без присмотра Платон не оставался, за ним присматривала нянька. Но нянька — это дело такое... В большинстве случаев она чужой человек для ребенка. Так сказать, технический персонал: накормить, умыть, погулять, уложить спать. Конечно, бывает и так, что нянька и ее воспитанник живут душа в душу, и тогда ребенок проникается к няньке особым доверием, бывает даже, начинает звать ее мамой. Но это случаи исключительные. По большей части няньки — лишь технический персонал. Именно такой и была нянька маленького Платона.

Когда мальчик подрос и настала пора идти учиться, то, конечно же, его отдали не в обычную школу, а в особенную. Частных учебных

заведений, как известно, в Советском Союзе не было, а вот специализированные были. Например, школа с углубленным изучением математики и прочих точных наук или школа с углубленным изучением иностранных языков. Вот в школу с углубленным изучением иностранных языков его и определили. На этом настояла мама, а папа не возражал. Больше того, даже приветствовал, так как усмотрел в этом определенные для сына перспективы.

— Знать иностранные языки — это хорошо, — с уверенностью сказал папа маме на семейном совете. Такие советы хоть и редко, но случались, особенно в каких-то крайних и решительных случаях. А сейчас как раз и был такой случай, потому что, как-никак, речь шла о судьбе единственного сына. — Это очень полезно — знать иностранные языки. Обязательно пригодится в жизни! Если ты знаешь иностранный язык, то тебя могут принять в МГИМО. Московский государственный институт международных отношений. Выпускники этого института — нарасхват. И за рубеж их посылают, и в Москве можно выгодно пристроиться...

— За рубеж! — мечтательно вздохнула мама. — Хорошее это дело... Пристроиться в Москве тоже неплохо, но за граница — это просто здорово!

— Так-то оно так, — резонно заметил папа. — Но для этого надо учиться. Хорошо учиться! Сначала в школе, затем в институте. Да к тому же в этот институт надо еще попасть. А это непросто. Там желающих хоть отбавляй. Уж я-то знаю...

— Ну а ты для чего? — в ответ возразила мама. — Неужели при твоей-то должности пристроить сына в МГИМО — такое сложное дело? Тем более пока он окончит школу, ты станешь еще большим начальником. Вот и постарайся для единственного сына.

— Поглядим, как оно будет дальше, — не стал спорить папа. — Может, к тому времени что-то и поменяется...

— И что к тому времени может поменяться? — хмыкнула мама. — Тебя что, выгонят с работы? Это за что же, интересно знать?

— Да я не о том! — поморщился папа. — Я о другом... А вдруг у нашего Платона проклюнется какой-нибудь талант? Например, писательский. Или музыкальный. Мало ли?

— Ничего у него не проклюнется! — возразила мама. — С чего бы вдруг?

— Ну, как же, — усмехнулся папа. — Допустим, он пошел в тебя. Ты же у нас принадлежишь к богеме! Что ты делаешь на своих богемных сборищах? Музицируешь? Декламируешь стишки? Пляшешь?

— Ты никогда не обращал на меня внимания! — вздохнула жена. — Ты совсем не знаешь, чем и как я живу!

— Некогда мне обращать внимание на твои пляски! — отмахнулся папа. — Сама знаешь, какая у меня должность! Да и вообще, мы сейчас говорим не о тебе и не о наших отношениях, а о нашем сыне!

— И что тут такого, если наш Платон станет сочинять музыку или писать картины?! — воскликнула мама. — Как будто композитору или художнику противопоказано бывать за границей! Совсем даже наоборот! Именно там-то творческая личность и может по-настоящему развернуться! Не то что здесь...

— Ты эти разговоры прекращай! — нахмурился папа. — Ишь, ударилась в сравнения! Знаешь, как называются такие сравнения? Идеологическая диверсия, вот как! Ты что же, хочешь подвести меня под монастырь? Хочешь, чтобы меня вышвырнули с работы? И вышвырнут! Из-за твоего длинного язычка и твоих безответственных, политически вредных речей! Вот, скажут, твоя жена слишком говорливая, а потому и к тебе, то есть ко мне, нет настоящего доверия. Ну, так хочешь ты этого?

— Нет-нет, что ты! — замахала руками супруга.

— А тогда умолкни! И чтобы я больше никогда ничего подобного от тебя не слышал! Тем более что такие твои речи — неправильные! Талантливый человек может реализовать себя и у нас: для этого есть все возможности!

На том их семейный совет и закончился. А через неделю маленький Платон пошел в первый класс — в специализированную школу с углубленным изучением иностранных языков.

* * *

Впрочем, спорили родители зря. Никакой талант у Платона в процессе учебы не проклюнулся: ни писательский, ни музыкальный, ни танцевальный. Учился, впрочем, он неплохо, хотя и без особого желания. Но желание тут роли не играло. И мама, и, случалось, папа нередко объясняли ему, для чего нужно знать иностранные языки и как они потом могут пригодиться в жизни. И вот эти-то объяснения Платон понял, они, что называется, запали ему в душу.

Да, действительно: если знаешь иностранные языки, можно очень даже выгодно устроиться в жизни. В Москве или за границей — не так и важно, хотя, конечно, лучше за границей. Никакой творческой жилки у Платона не оказалось, а вот практическая сметка в нем присутствовала

изначально. И желание жить красиво — тоже. Красиво в понимании самого Платона и прежде всего в понимании его мамы, которая и вложила в детскую душу это понятие.

Когда Платон окончил учебу в школе, то сразу же возник вопрос о том, что ему делать дальше. Впрочем, вопроса как такового не было, так как все было известно заранее: Платон должен продолжить учебу в МГИМО. Туда он и поступил. Конечно, не обошлось без помощи папы: сам Платон вряд ли прошел бы жесткий отборочный конкурс. Но к тому времени папа достиг новых карьерных вершин, и это были весьма и весьма впечатляющие вершины. Отказать такому значительному человеку в его просьбе никто бы не посмел. Да и просьба-то была пустячная — пристроить сына в институт. Без всяких, разумеется, взяток и прочих меркантильных подношений и услуг, просто уважения ради. Так что все законно, а мораль и этика — это дело такое...

Так Платон Плотников стал студентом престижнейшего вуза. Казалось бы, радуйся и постигай премудрости, да не тут-то было. Платон вырос, вступил в пору юношества, и, соответственно, у него поменялся характер. Причем не в лучшую сторону. Да оно и понятно, что не в лучшую, при таком-то воспитании и образе

жизни. Воспитание было мамы, а образ жизни, можно сказать, тепличный. Это когда ты никогда не знал ни горя, ни забот, никогда не голодал, никогда ничего не делал собственными руками. И даже никогда никому по-настоящему не сострадал. Ни разу не перевел через дорогу беспомощную старушку — можно сказать и так.

И вот кем ты можешь вырасти при таком-то воспитании и в таких условиях? Эгоистом. Платон им и вырос. И еще бездельником. А разве может бездельник что-то делать по-настоящему? Например, учиться? В том-то и дело, что не может. На этот случай в народе существует меткое выражение: «Не такое у него воспитание». Вот именно...

Платон, можно сказать, и не учился. Лекции посещал от случая к случаю, на экзаменах получал сплошные неуды. Дело вскоре дошло до того, что встал вопрос об отчислении Платона из института. Пришлось опять вмешаться папе. В институте Платона оставили — из уважения к отцу, но попросили, чтобы он как следует поговорил с сыном. Уважение, знаете ли, уважением, однако же сыну учиться надо — хотя бы на тройки. Большой выйдет конфуз, если сына отчислят из института. А ведь могут и отчислить, несмотря на высокий статус папы. Тут таких студентов, у которых папы со статусом, хватает.

А папе от того будет сплошное горе. Дискредитирует ленивый сынок высокопоставленного родителя. Вдобавок еще неизвестно, как на такое дело посмотрят на самом верху. Могут и выводы сделать. Вот, скажут, какой, оказывается, у тебя сынок, уважаемый папаша! Лодырь и вертопрах! А это, как ни крути, нехорошо. Это, можно сказать, политический момент. Потому что это бросает на тебя невыгодную тень. А нам такие люди, на которых лежит сомнительная тень, без надобности. Сам, небось, понимаешь при твоём-то высоком посту и при твоём опыте. Многие загремели вниз с карьерной лестницы, когда на них падала тень от неблагоприятных поступков жен ли, сыновей ли...

...После разговора с отцом Платон отчасти взялся за ум. Но именно отчасти: стал исправно посещать лекции, двойки исправил на тройки. Не так и много, но этого хватило, чтобы папа успокоился.

Что же касается Платона, то у него был еще один повод взяться за ум. Причем, по его мнению, повод куда как существеннее, чем учеба в институте. В разговоре папа намекнул, что заберет у сына ключи от дачи, если тот не остепенится.

Ключи от дачи! Для Платона это и впрямь было делом крайне нежелательным, скажем

прямо, большой потерей. Более того, это внесло бы в его жизнь изменение. Досадное, основательное, принципиальное изменение, которого он никак не желал. Оттого-то в первую очередь ему пришлось приналечь на учебу и повысить успеваемость. А все прочее было делом третьим, маловажным.

Да, ключи от дачи. Папа отдал их ему сам, когда Платон поступил в институт. Дача находилась за городом, и это была правительственная дача. Такие были у многих высокопоставленных партийных и хозяйственных начальников. Была такая дача и у папы Платона. Правда, сам он на ней почти никогда не бывал, на это не хватало времени. Не бывала там и мама. Она любила посещать другую дачу — частную. Была и такая.

И вот, когда Платон стал студентом, папа отдал ему ключи от государственной дачи. Сделал он это с благим намерением. Одно дело готовиться к экзаменам в шумном городе, и совсем другое — в загородной тиши и покое.

Платон взял ключи, испытывая некоторый скепсис, но это было лишь вначале. Вскоре он сообразил, какую выгоду можно извлечь из этого. Теперь он мог посещать дачу хоть днем, хоть ночью, хоть в праздники, хоть в будни. Тем более что и добираться туда не составляло никакого труда: в распоряжении Платона была машина,

«Жигули» новейшей марки. Эту машину купил папа в качестве родительского подарка, когда Платон стал студентом.

Ну и вот: дача в полном распоряжении, красивая престижная машина и сам Платон — молодой и красивый, да еще и при деньгах (деньгами его снабжал отец). Плюс ко всему воспитание мамы, да и самовоспитание Платона тоже. Как говорится, все один к одному.

Вначале Платон привозил на дачу девушек. Отказа в таком развлечении почти не было. То ли на девушек оказывала магическое влияние красота Платона (а был он и впрямь привлекательным юношей), то ли его собственная машина, да к тому же еще и деньги, которые у него никогда не переводились.

Вскоре, впрочем, выяснилось, что главным соблазном для девушек был не сам Платон, а именно дача, машина и деньги. И как знать: то ли обстоятельства складывались именно так, то ли девушки ему попадались скроенные по одному и тому же шаблону, то ли, может статься, сам Платон вел себя шаблонно... Но факт оставался фактом. Оказавшись в машине, а затем на шикарной даче, да еще за богато уставленным столом, девушки начинали вести себя однотипно. Одинаковыми у них были и слова, и действия, и ахи и вздохи, и разговоры после ахов

и вздохов, и намеки, и полунамеки... В общем, все сводилось к одному: девушки совсем были не против завязать с Платоном не мимолетные, а более основательные отношения. Вплоть до замужества.

Но сам Платон ни о какой семейной жизни даже не помышлял. Он и предположить не мог, что когда-нибудь станет семейным человеком. Зачем ему это нужно? Ему и без того хорошо жилось на свете. И к тому же, чтобы жениться, надо было кого-то полюбить, — это Платон хоть и смутно, но все же понимал. А он не любил никого, кроме себя самого, и не ощущал такого желания полюбить кого-то другого.

И Платону вскоре надоели эти однотипные девичьи намеки, а зачастую и откровенные предложения. Однако привозить девушек на дачу он не перестал, но как только какая-нибудь легкомысленная особа приступала к намекам, он тут же предлагал ей убираться. Иногда отвозил в город, если было у него такое желание, а по большей части просто выпроваживал за порог. И не желал больше с нею знаться.

Тем не менее Платон втянулся в такую жизнь и не стремился с ней расставаться. Отцовскую дачу он превратил в притон, так сказать, в гнездо разврата. И по большому счету он не хотел менять образ жизни. А поневоле

пришлось бы, если бы отец забрал у него ключи от дачи. А отец как раз это и обещал сделать, если Платон не возьмется за учебу. Поневоле пришлось взяться.

...Слухи о том, что у Платона имеется в распоряжении шикарная дача, вскоре стали достоинством широкой гласности, тем более что сам он и не таился. Наоборот, от случая к случаю намекал об этом, а иногда говорил и открытым текстом. В первую очередь в институте, в своем привычном кругу друзей и знакомых.

Поэтому вполне понятно и объяснимо, что появились желающие посмотреть на дачу и провести там приятно время. Среди таковых были и молодые люди и девушки. И Платон решил: а почему бы и нет? Конечно, кого ни попадя он к себе приглашать не станет. Но есть такие личности, кого и впрямь стоило пригласить. В первую очередь это были сынки и дочки высокопоставленных пап и мам, то есть такие, как и сам Платон. Помимо всевозможных легкомысленных развлечений из таких знакомств можно было извлечь и практическую пользу. Платон был человеком эгоистичным и меркантильным — об этом следует сказать еще раз.

Молодежь, как известно, принимает решения быстро, долгие размышления молодым людям несвойственны. Поэтому вскоре у Платона

образовалась компания. Не слишком большая, человек десять-пятнадцать. Все это были сыновья и дочери высокопоставленных отцов и матерей. Кто-то предложил назвать себя золотой молодежью, и это название всем понравилось. Действительно, а почему бы и нет? Ведь кто они такие — эти сынки и дочки? Они в этой жизни занимают особое положение, у них особый статус. Они не ровня и не чета прочим. Конечно, в этом их заслуги нет, здесь постарались папы и мамы, но по большому счету какая разница? Главное — это факт. А по факту все они и есть золотая молодежь. Будущие хозяева жизни. Впрочем, почему будущие? Настоящие! Вот говорят: мир принадлежит молодым. Правильно говорят. Они и есть молодые. И при этом никакие не сыновья и дочери заводских рабочих или, допустим, каменщиков-монтажников и всяких прочих кухарок. Они — золотая молодежь! У них — перспективы, у них — великолепная стартовая площадка!

Лидером этой самоуверенной компании был Платон. Иначе и быть не могло — дача-то его. Вернее, его отца, но это без разницы. Впрочем, дело было не только и не столько в даче, сколько в самом Платоне. Он хотел быть вожаком и обладал характерными лидерскими задатками. Это и было главным. Тем более никто и не возражал против того, чтобы именно Платон был лидером.

У каждого из компании, помимо имен и фамилий, были прозвища. Молодежь так любит всякие забавные клички! У Платона было прозвище Марсель. Почему именно Марсель? Тут все объяснялось просто. Марсель — это город, в котором Платон мечтал побывать, и он часто высказывал вслух эту свою мечту. Почему именно в Марсель тянуло Платона — кто же знает? В Марсель — и все тут. А отсюда вывод: какое же еще прозвище ему можно было дать? Только Марсель.

ГЛАВА 2

Как известно, денег много не бывает. И чем больше у тебя денег, тем у тебя больше нужда в них. Почему так, доподлинно никому не известно, — просто таков необъяснимый закон бытия.

Не хватало денег и группе золотой молодежи, предводителем которой был Марсель. И это при всем при том, что ни у самого Марсея, ни у его товарищей деньги никогда не переводились. Почему так? Здесь все было понятно и просто. Кончились деньги — нужно об этом намекнуть высокопоставленному папе или маме. Папа и мама поворчат, но деньжат все равно подкинут.